

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 930.1

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Р.С. Хакимов

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

В статье рассматриваются вопросы соотношения истории и идеологии. Наряду с чисто научным подходом, позволяющим дать объективную картину прошедших событий, история активно используется в идеологических целях, что возможно в силу способности героев, событий, символов прошлого мотивировать людей на те или иные действия, консолидировать общество вокруг значимых идей. Вмешательство идеологии в изложение истории нередко приводит к искажению прошлого. Примером такого подхода служит отношение к татарскому фактору в мировой истории. Несмотря на достижения гуманитарных наук, ложная история о татарах, Золотой Орде сохраняется до сегодняшнего дня.

Переписывание истории не всегда является ее искажением или оправданием конкретной политики, оно может быть вызвано потребностью в современной интерпретации прошлого в связи с появлением новых задач. В таком случае переосмысление прошлого становится способом преодоления отсталости общества в той или иной сфере, исправления упущенных возможностей. В России в связи с возвращением к капитализму, всплывают некоторые «родимые пятна» этого строя. Перед Россией стоит задача преодоления Долгого Средневековья через усвоение достижений современной цивилизации.

Ключевые слова: переписывание истории, идеология, Золотая Орда, Россия, Татарстан.

Люди всегда задумывались над тем, зачем пишут историю. Существуют разные причины, по которым человеку надо знать прошлое. Джон Тош, обобщая различные мнения, пишет: «Социальным группам необходимы свидетельства своего существования в прошлом, но им требуется такая картина прошлого, которая служит объяснению или оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности» [17, с. 13]. Такое обращение к социальной памяти способ политической мобилизации людей, который опирается на

осознание общности исторического опыта и используется не только отдельными социальными группами, нацменьшинствами, но и государствами. Идеологическая функция истории в принципе возможна в силу способности героев, событий, символов прошлого мотивировать людей на те или иные действия, консолидировать общество вокруг значимых идей [См.: 18].

Историография долгие годы находилась под влиянием телеологических представлений. Идея об исторической перспективе, конце мира, предопределении складывались под влиянием религиозных представлений о создании мира, существования «Божественной воли», предписывающей конкретное поведение людям. В Коране сказано: «От того, кто знает все тайны, не скроется вес пылинки, ни в небесах, ни на земле, ни то, что менее этого, ни то, что более» [12, 34:3]. Идея предопределения глубоко вошла в наше сознание.

Развитие естественных наук поколебало чисто религиозное объяснение исторических процессов, однако, несмотря на торжество рационализма, телеологическое восприятие эволюции мира довлеет и над современными учеными. Его истоки Эдвард Эванс-Причард видит в положении, унаследованном «от эпохи Просвещения и гласящем, что общества являются естественными системами или организациями, имеющими заданную траекторию развития, которая может быть сведена к общим принципам или законам. Именно по этой причине в их концепциях закономерности логического характера предстают как объективные и необходимые взаимосвязи, а типологические классификации – как схемы неизбежного исторического развития. Можно без труда проследить, как в антропологии и философии истории из комбинации понятий о “научном законе” и “прогнесе” выводятся “стадии”, приобретающие характер прокрустова ложа. Предположение о неизбежности придает этим стадиям нормативную роль» [21, с. 261]. Здесь сказывается как инерция религиозного мышления, так и картезианские традиции, усиленные очарованием от классической механики Ньютона. Представления о детерминированности социальной жизни, подкрепленные эволюционными представлениями дарвинизма, заменили теологические воззрения, но не сумели исключить целеполагания в историческом развитии.

В XX веке усилились конструктивистские идеи в духе марксизма-ленинизма, пришедшие на смену утопическим представлениям идеального общества. Хотя за последние десятилетия слышалось много критических заявлений в адрес марксизма, однако альтернативные представления нередко продолжают конструктивизм с определенными вариациями. В частности, сторонники феноменологической социологии Питер Бергер и Томас Лукман пишут: «Непосредственными интеллектуальными предшественниками социологии знания являются три направления германской мысли XIX столетия – марксизм, ницшеанство и историцизм» [1, с. 16]. Авторы, опираясь

на «Экономико-философские рукописи 1844 г.» Карла Маркса, интерпретируют базис («субструктуру») и надстройку («суперструктуру») как человеческую деятельность и мир, созданный этой деятельностью. Социология знания, по мнению авторов, унаследовала от Маркса также понятия «идеология» (идеи как оружие социальных интересов) и «ложное сознание» (мышление, которое отчуждено от реального социального бытия мыслящего). Питер Бергер и Томас Лукман предлагают технологию конструирования реальности, что находит отклик в России [См.: 20].

Марксизм обосновывает свою доктрину, опираясь на идею исторической неизбежности наступления новой формации. Место «Божьей Воли» или «Абсолютной Идеи» Гегеля в марксизме заняла доктрина исторического материализма с утверждением о неизбежности смены формаций с конечной остановкой в коммунизме. Пока подобные взгляды оставались в рамках научных споров, все выглядело достаточно пристойно, но на практике они оказались далеко не безобидными. Сталинизм оправдывал свои деяния как следствие исторически неизбежной классовой борьбы. Так освящалась революционная деятельность, необходимость «красного террора» и репрессий.

Обращение к истории в идеологических целях отчетливо проявилось в России, начиная с 2000 г., но оно было не доктринальным, а так сказать прикладным, в рамках ПИАР-компаний. Причина такого обращения крылась в идеологическом вакууме, наступившем на рубеже тысячелетия.

В период «гласности» и «перестройки» коммунистическая идеология была дискредитирована, а либеральная демократия, на которую опирались реформаторы, не дала экономического эффекта. Б.Ельцин пытался выработать «национальную идею», даже объявил конкурс на лучшую концепцию, но в результате все свелось или к устаревшей формуле соединения православия с державностью, или же явно шовинистическим призывам к возвращению к «Великой России» с агрессивным отношением к нерусским народам. Выборы конца 1990-х гг. окончательно подорвали политический вес сторонников либеральных идей в лице правых партий. Наступило разочарование демократией, федерализмом, рыночной экономикой.

С 2000 г. восторжествовала идея В.Путина о «вертикали власти». Однако ее реализация на практике привела к неэффективному управлению и разгулу коррупции, тотально охватившей все государственные структуры, включая полицию, судебные органы, спецслужбы и армию. Команда В.Путина пыталась избрать чисто «прагматический» путь решения конкретных проблем, но в переломный для России период перехода из одной из социально-экономической системы в другую невозможно быть чисто техническим менеджером. И внутренняя и внешняя политика требовали опоры на обобщающую Идею. Начался поиск суррогатов идеологии в виде трудно объяснимой

«управляемой демократии» или «централизованного федерализма». Одно время предлагалось в таком качестве рассматривать спорт, но это увлечение быстро прошло, тем более, что футбольные и хоккейные фанаты стали серьезной проблемой, грозившей приобрести политический характер.

Наконец, после ряда неудачных идеологических новаций на сцену вышли исторические сюжеты: начали поднимать на щит Куликовскую битву, как победу русских над Золотой Ордой. Куликовскую битву пытались даже объявить государственным праздником. Из-за противодействия руководства Татарстана это не удалось сделать, но сама битва сохранилась в реестре военных побед русского оружия. Постоянное обращение к Куликовской битве, настойчивое навязывание «победы» русского оружия над татарами выглядит как некий психологический комплекс, как требование реванша, хотя не ясно кого и зачем нужно побеждать сегодня – русская культура и без того доминирует. В любом случае интерес к этой тематике подчеркивает значимость Золотой Орды для понимания истоков и характера России.

Среди исторических сюжетов заметное место занимает изгнание польских «захватчиков» из Москвы во времена Смуты, что стало официальным праздником «единения народа». Наряду с вышеназванными, всплыли и другие сюжеты: взятие Казани войсками Ивана Грозного; восхваление дома Романовых, хотя царизм окончательно потерял авторитет уже к началу XX в. и т.д. Патриотическая волна вокруг Великой Отечественной войны вполне оправданна и позитивна, однако и здесь есть изъяны – одновременно реанимируется фигура Сталина, как фактора победы, при этом народ оказывается просто некоей жертвенной массой или численностью войсковых соединений. Победа в СМИ предстает как оправдание сталинского авторитаризма.

Существует расхожая фраза: «Победителей не судят». Не менее популярен принцип, провозглашенный основателем ордена иезуитов Игнатием Лойолой: «Цель оправдывает средства». Такой подход нередко приводил к оправданию насилия, как необходимого средства достижения якобы благородной цели. Даже революционный путь с применением террора объяснялся требованием достижения свободы. Все это подкреплялось обращением к истории как непрерывной череде насилий. Сегодня общественное мнение меняется – суд над Пиночетом продемонстрировал нежелание человечества мириться с диктаторами, даже если они поддерживались такими влиятельными государствами, как США. Никакие разговоры о демократическом Чили не стали оправданием насильственных политических методов Пиночета. В случае со Сталиным можно утверждать, что решения XX съезда КПСС по разоблачению культа личности были и останутся историческими.

История не детерминирует поведение в качестве Рока, Судьбы, Предписания и в этом смысле не снимает ответственности с человека

за содеянное. Сама по себе причинность не означает детерминированности в картезианском смысле. Мы вынуждены ограничить действие принципа детерминизма в исторических процессах отдельными периодами стабильного или застойного развития общества. В целом же социальные процессы носят вероятностный характер. Иначе говоря, надо признать «слепой» характер истории.

Социальное развитие нельзя представлять механистическим, ведь социальные законы не действуют как гравитационные или электромагнитные поля, чью природу мы не в силах менять. Успехи дарвинизма привели к искушению сравнивать социальную конкуренцию с биологической борьбой видов за выживание, но в отличие от животного мира социальные законы зависят от деятельности человека, социальных инструментов. Вопрос закономерного характера общественных процессов решается иначе, чем природных явлений.

Объективность истории можно понимать только в одном смысле: вектор социальной эволюции выстраивается благодаря конкуренции автономных социальных единиц. По отношению к индивидам эти единицы предстают как нечто объективное, «как внешние вещи». Как пишет Эмиль Дюркгейм: «Вещь узнается главным образом по тому признаку, что она не может быть изменена простым актом воли. Это не значит, что она не подвержена никакому изменению. Но, чтобы произвести это изменение, недостаточно пожелать этого, надо приложить еще более или менее напряженное усилие из-за сопротивления, которое она оказывает и которое, к тому же, не всегда может быть побеждено. А мы видели, что социальные факты обладают этим свойством. Они не только не являются продуктами нашей воли, но сами определяют ее извне. Они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия. Часто даже эта необходимость такова, что мы не можем избежать ее. Но если даже нам удастся победить ее, то сопротивление, встречаемое нами, дает нам знать, что мы находимся в присутствии чего-то, от нас не зависящего. Следовательно, рассматривая социальные явления как вещи, мы лишь сообразуемся с их природой» [9, с.40]. Несомненно, существуют социальные явления, объективные по отношению к индивидам, обладающие, по выражению Дюркгейма «внешней принудительной властью». Надындивидуальная власть появляется благодаря соединению действий отдельных людей, в результате чего образуются способы действий и суждений, которые не зависят от каждой отдельно взятой воли. Для отдельных явлений в известные периоды времени подобный метод может оказаться вполне достоверным, но он не объясняет социальные процессы в исторической перспективе и не позволяет охватить явления во всей их глубине. Например, периоды революционной деятельности несут в себе слишком много временного, случайного, чтобы игнорировать волю конкретных субъектов истории. При исследовании истории, мы должны говорить о це-

лесообразности без сознательно поставленных целей, или как выражается Пьер Бурдьё найти «бессознательную целесообразность разума» [5, с. 79].

Вероятностный характер истории предполагает включенность свободной воли человека, разума в «слепой» исторический закон в качества выбора между возможными альтернативами, если такая возможность предоставляется Случаем. Настоящее определяет будущего, но неоднозначно как в классической механике, а всего лишь как степень вероятности реализации той или иной альтернативы. Настоящее с точки зрения наступления будущего – это веер возможностей. «Будущее является непрерывным становлением Возможностей, – пишет Жан-Поль Сартр... – Будущее не соответствует гомогенному и хронологически упорядоченному ряду сменяющих друг друга мгновений. Конечно, есть определенная иерархия моих возможностей. Но эта иерархия не соответствует порядку универсальной Временности, такому, какой будет устанавливаться на основах первоначальной Временности» [16, с. 233]. Человек есть нечто большее, нежели движение, в которое он включен, как часть конвейера. Он задает себе вопрос: «Зачем?» и этот поиск смысла противостоит рационализму силы. Свобода воли привносит свой элемент неопределенности к тому, что уже существует объективно.

Традиционная историография пишется победителями, как закономерный итог их деятельности – объективный и даже неизбежный. В таком случае за рамками осмысления остается то, что в истории было «ошибочным», то, что было отринуту. Господствующая историография пишет «положительную» историю великих достижений. Упущенные возможности нуждаются в самостоятельном осмыслении, поскольку могут вернуться и повториться.

Включенность человека в социальные процессы размывает грань между понятиями исторической неизбежности и исторической ошибки. Вопрос в конечном счете упирается в понимание субъекта истории, который несет ответственность в переломные моменты истории, когда он оказывается перед выбором путей развития. Исторический процесс протекает по вероятностным законам, но сама вероятность не означает произвольность. Возможность реализации того или иного явления должна потенциально содержаться в жизни. В Древней Греции можно было мечтать о полетах, что выразилось в легенде об Икаре, но нельзя было построить самолет. В известной песне поется «и на Марсе будут яблони цвести». Теоретически это не исключено, но практически реализовать в ближайшие годы не удастся. Возможное становится настоящим посредством человека, чья деятельность позволяет из веера возможностей выбрать реализуемую. Истиной для исследователя-гуманитария оказывается не самый «правильный» рационально выбранный вариант, не идеальное с точ-

ки зрения какой-либо доктрины, а осуществимость в данный момент конкретного варианта из альтернативных возможностей.

Прежде чем сделать выбор, надо его представить в воображении. Опорой в этой процедуре становится прошлое, но не как цепь событий, а в качестве интерпретации, поиска дискурса. Мы в прошлом ищем сущность явления. Интерпретируя историю, мы находим основания для своих нынешних действий. Осознание ситуации, если его понимать не только как отражение реальной обстановки, но и в качестве руководства к действию, означает поиск в истории устойчивой повторяемости, которая дает основание для выбора наиболее вероятной модели поведения. Повторение свидетельствует о возникновении закона, т.е. переходе возможного в разряд закономерного. Именно поэтому люди предпочитают следовать уже готовой модели поведения, а не изобретать ее заново.

Любой прецедент чреват ошибками или может завершиться поражением, даже если впоследствии подтверждается историей. Далеко не всегда неудачный прецедент оказывается случайностью или ошибкой. Это может оказаться «неустойчивой», не до конца проявившейся закономерностью. Например, случайностью было не свержение республики Юлием Цезарем, а убийство императора. Окончательным последствием убийства Цезаря стало воцарение Августа, первого цезаря в качестве закономерного статуса.

Если обратиться к более близкой к нам истории, то можно говорить о революции 1905 года, как «неустойчивой» закономерности. Социал-демократы предпочитали говорить о ней как «репетиции», поскольку считали, что все зависит от субъективного фактора. Они были правы не столько в интерпретации, сколько в оценке самого факта революции 1905 года как процесса формирования субъекта революции. Преждевременная революция оказывается необходимой для того, чтобы она в принципе когда-нибудь состоялась. Революционный субъект конституируется этим процессом, а вовсе не «управляет», не «руководит» им, он не может совершить революцию по своему усмотрению. Ирония заключается в том, что именно поражение революции оборачивается гарантией ее будущей победы. В этом нет ничего сверхъестественного, какой-то мистики, выражения Абсолютной Воли, просто в ходе революционной деятельности, ведущей к поражению, исчезает половинчатость, появляется бескомпромиссность, которая становится одним из факторов будущего успеха революции.

В этой «неустойчивой» закономерности следует видеть и другую сторону – тех, кого свергает революция. Не будь столыпинской реакции между двумя революциями, то возможно Октябрьская революция не стала бы столь радикальной, революционное ожесточение могло не перейти во взаимное уничтожение в ходе гражданской войны. Готовность «субъекта» истории к тем или иным действиям ока-

зывается зависящей не только от предварительной «репетиции», но и готовности «объекта» истории к переменам.

Историография может обслуживать идеологию, наряду с этим существует чисто научный подход к изучению прошлого. «В то время как социальная память продолжала создавать интерпретации, удовлетворяющие новые формы политических и социальных потребностей, – пишет Тош, – в исторической науке существовал подход, состоявший в том, что прошлое ценно само по себе и ученому следует, насколько это возможно, быть выше соображений политической целесообразности. Лишь в XIX в. историческое сознание в этом, более строгом виде, стало определяющей чертой профессиональных историков. У приверженцев этого подхода были именитые предшественники в античном и исламском мире, в династическом Китае, да и на Западе начиная с эпохи Возрождения. Но только в первой половине XIX в. все элементы исторического сознания были собраны воедино и воплощены в научной практике, которая стала общепринятым “правильным” методом изучения прошлого. Это было заслугой интеллектуального течения под названием историзм (от немецкого *Historismus*), возникшего в Германии и вскоре распространившегося по всему западному миру» [17, с. 16]. Сторонники историзма утверждали, что культура и институты их собственной эпохи могут быть поняты лишь в исторической перспективе, что история – это ключ к пониманию мира, а первостепенный долг ученого – не исказить прошлое.

Историзм стал важным шагом к отделению историографии как науки от собственно идеологии. Здесь сказалось влияние естественных наук. Успехи физики и биологии содействовали распространению подходов естественных наук на гуманитарные дисциплины. Стремление описать события так как это было на самом деле (*Wie es eigentlich gewesen*) или как формулировал А.Виндельбанд, «извлечь из массы материала подлинный облик минувшего во всей его живой конкретности» [Цит. по: 19, с. 57] стало важным шагом к объективности исторической дисциплины. Тем не менее, в ней еще было много общего с литературой, т.е. бытописания в ущерб анализу истории с точки зрения больших периодов времени. История часто походила на хронику событий с тщательным цитированием документов и конкретных фактов.

Документы документам рознь. Объективное изложение событий не было задачей летописцев и не являлось моральной оценкой их труда. Им важно было расхвалить своих правителей, героев и святых, приписать им чудеса, божественное провидение и т.д. Религиозные или идеологические установки летописцев прямо влияли на оценку событий. Так, многие арабские летописцы клеймят татар, как язычников, описывают их жестокость по отношению к мусульманским народам, но совершенно меняют тон и неумеренно начинают превоз-

носить Золотую Орду, когда там принимают ислам. Наряду с летописями, сохранились документы, выработанные политиками, чиновниками, торговцами и т.д. Они более точно фиксируют нормативные акты, но среди них немало пустых проектов или просто подделок. Даже происхождение Михаила Романова, хотя это далеко не древняя история, вызывает много вопросов. В любом случае перед историком, старающимся все описать, как было на самом деле, встает вопрос не только подлинности документов, но выполнение необходимого и достаточного условия количества документов для отображения реальных отношений, скрывающихся за фиксированными фактами, определения их реального веса, оценка соотношения сохранившихся документов и устных договоренностей, ибо последние зачастую играли более существенную роль в социальных отношениях. Историк, стремящийся к точному описанию событий, рискует превратиться в бытописателя, а историк как интерпретатор вынужден выбрать точку зрения, значит, рискует привнести в анализ идеологию и моральные оценки.

Уважение к прошлому или его идеализация может привести к традиционализму, исключая самое важнейшее понятие развития во времени. С другой стороны вера в прогресс, может привести к игнорированию истории, трактовке традиций как пережитков прошлого и тормоза развития. Напрашивается нечто среднее между традиционализмом и конструктивизмом, но такое среднее ни о чем не говорит, ибо не ясны критерии самой меры между традиционализмом и конструктивизмом.

Маркс, доказывая историческую неизбежность социализма, в то же время в XI тезисе о Фейербахе утверждал: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело в том, чтобы изменить его». Маркс вместо философии предлагал научную теорию, на базе которой пролетариат может развивать революционную деятельность и преобразовать капитализм в социализм. Но в какой степени такой подход может игнорировать традиции? Доктрина исторического материализма, с одной стороны, опирается на историческую преемственность, с другой – вместе с революцией предлагает все начать с чистого листа. Как поется в Интернационале: «Весь мир насилья мы разрушим / До основанья, а затем / Мы наш, мы новый мир построим». С такой установкой выросло не одно поколение людей в самых разных частях планеты. Коренная ломка старого происходила в реальности, но не привела к торжеству социализма из-за игнорирования традиций.

Сегодня существует облегченное понимание ленинской теории революции, как чистого волюнтаризма. Однако, если вспомнить «Апрельские тезисы», то ведь Ленин настаивал на необходимости социалистической революции вслед за Февральским переворотом, поскольку предрекал в ином случае реставрацию царизма с неизбежной реакцией и разрушением надежды на изменение политического

строю. Новый этап давал надежды на лучшее будущее, в то время как реставрация монархии не сулила никаких перспектив. Россия столкнулась с проблемами мира, передела земли, государственным устройством, которые монархия не могла решить, она исчерпала свой потенциал и была не способна как в Великобритании совершить эволюцию. Ей был неуютен даже ограниченный в своих правах парламент. Реформаторский путь оказался не востребованным, но и общество далее не могло оставаться в том же положении. Выбор революционного пути не означал неизбежного слома всего старого, были альтернативы в выборе пути развития, но не оставалось альтернатив в выборе между социальными силами, способными взять на себя ответственность – все дееспособные партии придерживались социалистических взглядов.

Перечитывая Ленина в свете его революционной практики и учета исторического взгляда в политике, следует заметить, что введение НЭПа было не простым тактическим ходом. Ленин увидел, что страна недостаточно цивилизована для перехода к социализму. Отсюда вытекало требование культурной революции, как способа заимствования европейских достижений. Ленин в отличие от Сталина понял, что из-за экономической неразвитости и культурной отсталости российских масс, страна не сможет «перейти сразу к социализму», а потому нужно было вводить политику «государственного капитализма» с интенсивным культурным просвещением крестьянских масс. Причем Ленин культурную революцию понимал не как насильственное промывание мозгов «коммунистической пропагандой» для подавления врагов, что впоследствии стало характерным для маоистов, а в качестве терпеливого введения развитых цивилизованных стандартов, в частности, всеобщего (фактически) буржуазного образования. Цифры и факты показывают, писал он, «сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы... Речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор» [13, с. 367]. Ленин предостерегал от всякого непосредственного «внедрения коммунизма»: «Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу и чисто узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма» [13, с. 389]. Сталин предпочел пойти другим неленинским путем – «строения социализма в одной отдельно взятой стране».

Чем это обернулось для сегодняшнего дня? Отвлекаясь от чисто политической стороны вопроса, отметим, что вместе с крушением социализма непреодоленное Средневековье, «полуазиатская бескультурность» стали возвращаться в нашу жизнь. Это проявилось в экономическом плане в виде появления дикого капитализма, пре-

вращения России из индустриальной страны в сырьевой придаток Запада. В то время как развитые страны перешли на «постиндустриальную» фазу развития, Россия начала приватизацию для создания базы мелких собственников, надеясь, что они станут основой демократии. В результате исчезли целые отрасли, взамен появились олигархи и коррупция, а демократия выродилась в управляемую гласность и мнимую многопартийность. Средневековье вернулось также в религиозную сферу, как проповедь схоластики и шариата, заимствованного у отсталых арабских стран. Более того, произошла общая культурная деградация населения, снижение уровня образования, пострадала даже обыденная лексика.

История может подкреплять идеологию, оставаясь научной дисциплиной, но она может обслуживать идеологию, подбирая нужный для социальных сил материал. Наряду с этим существует явление, которое достойно самостоятельного изучения – стремление переписать историю. Причем в этом переписывании есть два существенно отличающихся момента: (1) преднамеренное искажение прошлого с навязыванием ложной концепции; (2) переписывание в результате переосмысления прошлых событий. Если бы переписывание было характерно только для прошедших веков, можно было бы эту тему оставить для специалистов, выясняющих подлинность исторических документов, но переписывание происходило и происходит с завидной регулярностью по настоящее время.

Почему императоры, монархи, диктаторы старательно рисовали генеалогические древа, порой сочиняя небылицы, составляли хроники, подделывая исторические события, преувеличивая свои победы, выставляя не сцену ложных героев, а истинных творцов истории задвигали за кулисы? Почему новые династии, восходя на трон, начинали заново пересматривать летописи, подделывать документы? Революционеры, не успев выстроить новое общество, начинали очернять прежний строй и всю историю подстраивали под собственную идеологию. В чем причины? В амбициях победителей, оправдании своих мнимых заслуг, в желании перекроить мир или еще в чем-то?

Не углубляясь в древний период, вспомним российскую историографию, начатую Петром Великим. Он жаждал избавиться от ордынского наследия и «прорубить окно в Европу». Для этого была разработана историческая доктрина, чьи основные моменты дожили до сегодняшнего дня. Он был прав в том, что многие татарские традиции устарели, они стали тормозом, но их невозможно было механически заменить на европейские манеры, одежду и технические достижения. Безусловно, нужно было заимствовать достижения Европы в сфере образования и политических свобод, но некоторые базовые принципы и ряд достижений Золотой Орды требовали своего сохранения. Приведем примеры.

Как известно, золотоордынская цивилизация обладала рядом преимуществ перед римско-европейской моделью империи, что и сделало принципиальную возможность возникновения Российской империи. Империя Чингиз-хана отличалась веротерпимостью и не ломала культуру присоединенных народов. Персидский историк Джувейни писал: «Ученых и отшельников всех толков он почитал, любил и чтит, считая их посредниками перед Господом Богом, и как на мусульман взирал он с почтением, так и христиан и идолопоклонников миловал. Дети и внуки его по несколько человек, выбрали себе одну из вер по своему влечению... Хоть и принимают они [разные] веры, но от изуверства удаляются, и не уклоняются от Чингиз-хановой ясы, что велит все толки за один считать и различия меж ними не делать» [Цит. по: 6, с. 43]. Трудно представить себе, чтобы у какого-то европейского короля дети приняли бы ислам, или мусульманские шейхи вдруг стали христианами или буддистами. Ордынская терпимость предоставляла всем народам, религиям, культурам возможность развиваться свободно, придерживаться собственных законов и традиций [14], а низкие налоги делали экономику эффективной.

Российские официальные историки пытались обосновать византийские корни страны, но Византия была продолжательницей Римской империи, по характеру резко отличавшейся от Евразии. «Мы исследуем способы, с помощью которых империи осуществляли “политику различия”, – пишут Джейн Бурбанк и Фредерик Купер. – Подобная перспектива позволяет увидеть основное, но не всегда строго выраженное отличие между империями, склоняющимися к унификации и гомогенности (“римский путь”), и империями, открыто предпочитающими разнородность, как фундамент имперского правления (“евразийский путь”). Эти две модели никогда не были окончательно реализованы в чистом виде, но их применение в исследовательской практике позволяет осмыслить последствия различных стратегий имперского управления» [4, с. 61]. Россия по своей природе никак не связана с Византией, кроме православных корней. В ней не навязывалась единая цивилизация, она соединяла разные культуры, несмотря на попытки объявить страну православной державой. «И только в тяжелой атмосфере этого перерождения языка, – пишет Александр Салтыков, – являющегося лишь симптомом более глубокой болезни самой национальной души, могли у нас родиться, в конце XIX века, столь нелепые лозунги, как, например, “Россия – для русских”. Сказать: Россия – для русских – это значит просто не понимать, что такое Россия. Ибо “Россия”, как показывает сама грамматика, может быть только для “Россиян”, а не как не для “русских”. И действительно: “Россиянами” были для наших предков и казанский татарин и прибалтийские уроженцы – немец, эстонец, и латыш – и житель западных областей – поляк и “друг степей – калмык”» [15, с. 114]. Эту природу России при всей своей настойчивости не

смог изменить Петр. Инициированная им христианизация мусульман привела к массовым протестам татар и башкир, расстроившим дела империи. Екатерина II была вынуждена издать указ о веротерпимости, отчасти вернувшись к традициям Чингиз-хана. Золотоордынская веротерпимость стала нормой в Европе только в XX веке, да и то в рамках христианства.

Другой пример золотоордынских достижений – дороги. Для эффективного управления Бату-ханом была создана сеть станций (ямов) с почтовыми лошадьми, которая служила для доставки сообщений и приказов, обслуживания дипломатов, торговцев и просто путешественников. Ям был снабжен также фуражом, кормом и питьем для проезжающих. Ибн Арабшах вспоминает: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до [самого] Крыма, а переход [этот] около 3 месяцев... Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собою проводника вследствие многочисленности [тамошних] народов, да обилия безопасности, еды и питья у [живущих там] людей...» [11, с. 208]. Каждый участок управлялся особым «дорожным губернатором», который полностью отвечал за порядок и безопасность в пределах своего участка. Была специальная повинность по охране дорог, которая называлась «караулом». Все приезжие люди и провозимые товары регистрировались и собиралась специальная дорожная пошлина. Для переправы через реки жители окрестных селений содержали паромы. В XIII – XIV вв. русские беспрепятственно ездили не только в Орду, но и в Каракорум, а купцы из Европы могли проследовать в Китай.

Для того чтобы понять историческую значимость этой системы нужно представить Европу того времени. Жак Ле Гофф пишет: «Средневековый люд шел по тропам, дорожкам, по запутанным путям, которые блуждали между несколькими фиксированными пунктами: ярмарочными городами, местами паломничества, мостами, бродами или перевалами. Сколько препятствий нужно было преодолеть: лес с его опасностями и страхами... бандиты, будь то рыцари или вилланы, засевшие в засаде на краю леса или на вершине утеса; бесчисленные пошлины, взимаемые с купцов, а иногда и просто с путешественников у мостов, на перевалах, на реках; скверное состояние дорог...» [7, с. 128–129]. В те времена не было системы коммуникаций, сравнимой с почтовой службой Монгольской империи. В XIX в. эта система была разрушена и, например, Н.М.Пржевальский и другие путешественники с трудом ходили этими же путями.

Очевидно, перед Петром стояла сугубо идеологическая задача выстраивания концепции происхождения Российской империи с запада на восток, и для этого были выбраны Новгород и Киевская Русь. Такая установка не была поколеблена даже в советской историографии. Конечно, в СССР вся история была подчинена перипетиям классовой

борьбы и доказательству неизбежности социализма, но то, что касается изучения татарских корней, они отвергались не только идеологически, но и с помощью административных решений. В частности, 9 августа 1944 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», запретившего изучения истории Золотой Орды, татарских ханств, популяризации эпоса «Идегей». Поразительно насколько важной представлялась фальсификация истории для советской политики. В самый разгар войны, задолго до взятия Берлина, в условиях напряжения всех сил и ресурсов в стране, ЦК КПСС посчитал необходимым запретить изучение Золотой Орды. Неужели татарская история была столь же значима, как победы на западных фронтах? Почему в разгар войны надо было заняться переписыванием истории? Сталин не был глубоким теоретиком, но хорошо понимал, что без истории идеология не эффективна.

В свое время Николай Бердяев – один из лучших русских умов – написал, что Петр «изнасиловал женственную душу русского народа» [2, с. 490]. Это относится и к историографии. Следуя европейской традиции, птенцы гнезда Петрова представили татар как исчадий ада. Папа Иннокетий IV в 1243 г. писал, что татары «посланники Сатаны и прислужники Тартаруса». Он объявил крестовый поход против них. С тех пор стало общим местом противопоставлять татар цивилизации. Целый народ стал именем нарицательным, «татарщиной». Эта традиция была заимствована русской наукой.

Карл Маркс считал, что душа русского народа была «подавлена, растлена и иссушена» татаро-монгольским игом, но факты говорят о другом – русские вслед за «игом» создали великое государство. Этого нельзя было сделать с «растленной и иссушенной» душой. Больше правды в словах Петра Савицкого, который писал: «Чингиз, его полководцы и преемники совершали много жестокостей. Все же, смею утверждать, дух экспансии кочевников был более терпимый и человечный, чем дух европейского колониализма. Этому есть не тысячи, а миллионы доказательств. Одни испанцы в Америке чего только не делали! А португальцы! А англичане и в Ост- и Вест-Индии! Чего стоит одно опустошение Африки и торговля – в течение веков – черными рабами! Отмечу, что Золотая Орда сохранила дух терпимости даже после того, как “царь Узбек обасурманился”. В лоне Монгольской державы сложилась новая Русь. Едва ли не этим определилась и определяется вся дальнейшая судьба человечества» [Цит. по: 8, с. 95]. Несмотря на факты, российское сознание настолько сломлено идеологической экзекуцией, что до сих пор не может отказаться от стереотипов о татаро-монгольском иге и понять евразийскую природу страны, заключенную в симбиозе славянских, тюркских и финно-угорских культур.

Все попытки российских историков доказать западные истоки государства упираются в явные противоречия. Если исходить из того, что российская история – часть мировой истории, а это очевидно, то следует признать обратную логику: на территории современной Российской Федерации в Средние века Великое переселения народов шло с востока на запад, но не наоборот. В государственном строительстве России участвовали, наряду с русскими и другие народы, почему-то названные инородцами. Русское сознание не готово мириться со своими угро-финскими, тюрко-татарскими, кавказскими корнями, а потому историки оказались в замешательстве, они не знают с чего начинать историю государства: с Киевской Руси, которая стала независимой Украиной, с полушведского Новгорода, или полутатарской Москвы, ставшей русским стольным градом благодаря теплым отношениям Ивана Калиты с Узбек-ханом и Джанибек-ханом.

Переписывание истории не всегда преследует намеренную ложь, обман, оправдание какой-либо политики, оно может лежать в плоскости выработки модели будущего. Для того, чтобы не потерять смысл научного исследования, нужно теорию примерять к сегодняшней действительности. Фернан Бродель утверждает: «Для историка понять вчерашний и понять сегодняшний день – это одна и та же операция» [3, с. 206]. Это исходный тезис для последователей школы «Анналов» в отличие от классических историков. Новые задачи требуют нового осмысления и пересмотра старых взглядов. При этом недостаточно выяснение полноты архивных, литературных, археологических и других источников, определение их достоверности и т.д. Весь этот арсенал, безусловно, необходим, но гуманитарные дисциплины, не объясняющие нам будущее, занимаются удовлетворением человеческого любопытства или решением каких-то головоломок. Не имеет значения, какой период исследуют историки и археологи, насколько древние мифы изучают этнологи и насколько архаичные культуры описывают этнографы, они должны смотреть на прошлое глазами будущего. Артефакты, не умеющие говорить сегодняшним языком всего лишь набор несистематизированного материала, керамика, найденная археологами и не дающая объяснения смысла нашей деятельности, всего лишь разбитые горшки, а погребения, не объясняющие как нам жить дальше – кладбища. Их познавательная и воспитательная роль обнаруживается только при ориентации на современные задачи. Такой подход требует от исследователя изучения не только событий, но и жизнедеятельности человека во всем его разнообразии, знание эволюции ментальности, ценностей и норм поведения.

Прошлые события при нашей интерпретации уже не совсем прошлые, они отчасти будущие. Их интерпретация меняет их смысл, который не был изначально заложен самими авторами этих событий. «Прошлое существует, – пишет Славой Жижек, – будучи включено, введено в синхроническую сеть означающих, то есть будучи симво-

лизировано в текстуре исторической памяти, – вот почему мы постоянно “переписываем историю”, включая ее элементы в новые тексты и тем самым ретроактивно придавая им их символический статус, – этот процесс ретроактивно определяет, каким именно образом они “станут сбывшимися”» [10, с. 61]. Идеология строится на интерпретации истории, которая, с одной стороны, всегда запаздывает, поскольку не может опираться на единичный факт, ей нужно повторение, чтобы увидеть закономерность, но с другой стороны, она «детерминирована» будущим. Мы ищем наиболее вероятное будущее благодаря пониманию логики прошлого. Но этого может оказаться недостаточным. Сегодняшние проблемы часто служат симптомом неразрешенных вопросов прошлого, упущенных возможностей, требующих ответов для того, чтобы двигаться вперед.

Переписывание истории указывает на попытку преодоления истории, т.е. того положения, в котором находится субъект истории. Какое событие становится историческим? То, которое осознано как историческое, т.е. имеющее значение для настоящего и будущего. Чисто внешне оно выглядит, как попытка избавиться от хронологии, т.е. обратиться к вечному, но вечному не застывшему в своей неопределенности, а вечному как смыслу бытия. Это – попытка уйти от тупика истории. Когда Ленин утверждал о преждевременности перехода к социализму и необходимости освоения европейской цивилизованности, он имел в виду преодоление Долгого Средневековья, в котором продолжала оставаться Россия. Этот подход не менее важен сегодня. Несмотря на технические новинки, которыми мы пользуемся, в своей массе Россия представляет довольно отсталую систему производства, культуры и даже образование запаздывает от современных требований. Достижения в сфере космонавтики или производства оружия массового поражения не должны вводить в заблуждение, это отдельные прорывные направления, в которых общество достигло мировых стандартов. Но основные бюджетные поступления идут от продажи сырья и оружия. Иначе говоря, для того, чтобы двигаться вперед, нужно вначале освоить евростандарты во всех сферах производства и жизни. Преодоление истории невозможно через конструирование ложной идеологии. Историю надо принять такой, какой она была, хотя сам вопрос о том, какова была история на самом деле, не такой уж простой. Переосмысление истории, а не переписывание неизбежный момент ее преодоления. Оно не сводится к нанизыванию героических побед, а скорее напоминает вивисекцию с целью обнаружения застарелых болезней.

В обращении к прошлому существует и такая тонкая психологическая тема как желание бессмертия. Вместе с физической смертью человек не умирает окончательно, но его можно убить во второй раз, вычеркнув из истории. Как писал Вальтер Беньямин: «И мертвые не целеют, если враг победит». Человек боится не столько физической

смерти, сколько духовной. Он даже может пойти на самопожертвование ради того, чтобы его имя осталось в истории. Ощущение конечности жизни заставляет человека искать выхода в продолжении своих дел в будущем, а потому он стремится оставить след в истории и тем самым обрести «бессмертие».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бердяев Н. Философия свободы. Харьков: Фолио; М.: ООО Изд-во АСТ, 2002. 736 с.
3. Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
4. Бурбанк Джейн, Купер Фредерик. Траектории империи // *Ab Imperio*, 4/2007. 47–85 с.
5. Бурдьё Пьер. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
6. Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингиз Хана. Брюссель. 1939. 64 с.
7. Гофф Жак Ле. Цивилизации средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
8. Гумилев Лев. «Черная легенда» (историко-психологический этюд). М.: Алгоритм. 2003. 352 с.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
10. Жижек Славой. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Изд-во Художественный журнал, 1999. 235 с.
11. Золотая Орда в источниках. Т. 1. М.: Наука, 2003. 448 с.
12. Коран в переводе Д.Н. Богуславского. Стамбул, 2001. Ссылки даны последовательно на номер суры и аята.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 585 с.
14. Почакаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Изд-во Фэн АН РТ, 2009. 260 с.
15. Салтыков Александр. Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен: Изд-во Милавида, 1922. 117 с.
16. Сартр Жан-Поль. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 925 с.
17. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. 296 с.
18. Хакимов Р.С. Татарстан: идеология будущего. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 424 с.
19. Хейзинга Йохан. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. Лондон, 1992. 220 с.
20. Центр и региональные идентичности в России. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. 256 с.; Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001. 240 с.

21. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М.: Вост. лит., 2003. 358 с.

Сведения об авторе: Рафаиль Сибгатович Хакимов – директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, доктор исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

THE INTERPRETATION OF HISTORY AS AN IDEOLOGICAL PHENOMENON

R.S. Khakimov

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

Author of this article examines the relationship between history and ideology. Apart from the purely academic approach allowing to create an objective picture of the past events, history is widely used for ideological purposes. This is facilitated by the ability of the characters, events, and symbols of the past to motivate people to those or other actions, to consolidate the society around the significant ideas. Often, the intervention of ideology in exposition of history leads to a distortion of the past. Attitude to the Tatar factor in world history is an example of such an approach. Despite the achievements of the humanities, a false “story” about the Tatars, the Golden Horde has been preserved until today.

The rewriting of history does not always act as its distortion or excuse for specific policies. It may be caused by the need for a modern interpretation of the past in connection with the emergence of new problems. In such a case rethinking of the past becomes a way both of overcoming the backwardness of society in one or another sphere and of correcting missed opportunities. Some “birthmarks” of this system emerge in connection with the return of Russia to capitalism. Russia faces the task of overcoming the “Long Middle Ages” through assimilation of the achievements of modern civilization.

Keywords: rewriting of history, ideology, Golden Horde, Russia, Tatarstan.

REFERENCES

1. Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.
2. Berdyaev N. *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Khar'kov, Folio; Moscow, OOO AST Publ., 2002. 736 p.
3. Braudel Fernand. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economics and Capitalism, 15th–18th centuries] Vol. 1. Moscow, Progress Publ., 1986. 624 p.

4. Burbank Jane, Cooper Frederick. Traektorii imperii [The Trajectories of Empire]. *Ab Imperio*, 4/2007. 47-85 p.
5. Bourdieu Pierre. *Prakticheskiy smysl* [Practical Reason] St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 562 p.
6. Vernadsky G.V. *O sostave Velikoy Yasy Chingiz Khana* [On the Composition of the Great Yasa of Genghis Khan]. Bryussel', 1939. 64 p.
7. Goff Jacques Le. *Tsivilizatsii srednevekovogo Zapada* [Civilizations of the Medieval West]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. 376 p.
8. Gumilev Lev. «*Chernaya legenda*» (istoriko-psikhologicheskiy etyud) [The “Black Legend” (historical and psychological study)]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 352 p.
9. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod i naznachenie* [Sociology. Its Object, Method, and Purpose]. Moscow, Kanon, 1995. 352 p.
10. Žižek Slavoj. *Vozvyshennyi Ob'ekt Ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Moscow, Khudozhestvennyy zhurnal Publ., 1999. 235 p.
11. *Zolotaya Orda v istochnikakh* [The Golden Horde in the Sources]. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2003. 448 p.
12. *Koran v perevode D.N. Boguslavskogo* [Quran translated by D.N. Boguslawski]. Sтамбул, 2001. Reference is made to the number of suras and ayats.
13. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collection of Writings]. Vol. 34. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1969. 585 p.
14. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [The Law System of the Golden Horde]. Kazan, Fen Publ., 2009. 260 p.
15. Saltykov Aleksandr. *Dve Rossii. Natsional'no-psikhologicheskie ocherki* [Two Russias. National-psychological Essays]. Myunkhen, Milavida Publ., 1922. 117 p.
16. Sartre Jean-Paul. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow, AST, AST MOSKVA, 2009. 925 p.
17. Tosh D. *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The Pursuit of History. How to Master the Art of Historian]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2000. 296 p.
18. Khakimov R.S. *Tatarstan: ideologiya budushchego* [Tatarstan: Ideology of the Future]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014. 424 p.
19. Huizinga Johan. *Ob istoricheskikh zhiznennykh idealakh i drugie lektzii* [On the Historical Ideals of Life and Other Lectures]. London, 1992. 220 p.
20. *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii* [Center and Regional Identities in Russia]. St. Petersburg.; Moscow, Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge Publ.; Letniy sad, 2003. 256 p.; Tishkov V.A. *Etnologiya i politika* [Ethnology and Politics]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 240 p.
21. Evans-Pritchard E. *Istoriya antropologicheskoy mysli* [History of Anthropological Thought]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 358 p.

About the author: Rafail' Sibgatovich Khakimov – Director, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (AS RT), Vice-president of AS RT, Academician of AS RT, Dr. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); history@tataroved.ru